

НАТАЛЬЯ
Ван

РАЗВОД

К МУЖУ
не
ВЕРНУСЬ

(НЕ) ПРОЩУ ПРЕДАТЕЛЯ

Наталья Ван

Развод. (не) прощу предателя

<https://litres.ru/74207284>

Аннотация

— У нас будет ребёнок! — объявляю я на весь зал в наш самый важный день. Воздух замирает. Мой муж не улыбается. Он медленно бледнеет. А из-за его спины доносится тихий, ядовитый смех его помощницы.

— Ой, а разве Леша тебе не сказал? Ты опоздала. Лет так на пять. У него уже есть сын. Точнее у нас. У нас с НИМ уже есть сын.

Всё рушится в одно мгновение. Идеальный брак, общий бизнес, десять лет брака и борьбы за ребёнка — всё это оказалось постройкой из песка. Иллюзией, которую он поддерживал все эти годы.

Книга участвует в литмобе:

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Визуал Виталина	17
Визуал Алексей	18
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	47
Глава 10	51
Глава 11	55
Глава 12	60
Глава 13	65
Глава 14	71
Глава 15	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Глава 1

Виталина

Идеальные моменты всегда пахнут предательством, но не в моей жизни. Потому что у нас все иначе. Потому что я люблю своего мужа, а он любит меня или... все не так?

Последние лучи солнца в стеклянных стенах нашего офиса кажутся такими же блеклыми и натянутыми, как и улыбка моего мужа. Воздух гудит от смеха, звона бокалов и музыки, но я уже чувствую под собой зыбкость того льда, по которому иду. Еще секунда — и он треснет.

Сегодня десять лет нашей совместной компании. Десять лет, которые мы с мужем строили ее буквально с нуля. С двух старых компьютеров в съемной квартире.

Десять лет нашей совместной жизни с Алексеем. И столько же лет крепкого и счастливого брака. Я обнимаю себя за плечи, ловя это мгновение, пытаюсь вдохнуть его в себя и сохранить навсегда.

Мой взгляд скользит по лицам за длинным праздничным столом. Здесь только свои. Самые близкие люди, которые прошли весь путь вместе с нами. Кто стал нашей семьей. Илья, наш техдир, с которым мы ночами сидели над первым сайтом, заедая стресс пиццей. Марина, которая пришла к нам робкой практиканткой, а теперь рулит целым отделом. Еще несколько самых близких сотрудников. И он. Алексей

Владиславович. Мой Леша.

Он сидит во главе стола, его поза расслаблена, но в осанке читается несомненная власть. Он ловит мой взгляд, и его глаза сужаются от теплой, до боли улыбки. Мое сердце делает тот самый, особенный толчок, как в двадцать восемь лет, когда он впервые притянул меня к себе и поцеловал.

И сегодня, прямо сейчас, я подарю ему самый главный сюрприз в нашей жизни.

Ладонь сама ложится на низ живота, где уже живет, тихо пульсируя, наше чудо. Десять лет надежд, горьких слез по несостоявшимся детям, бесконечных визитов к врачам и молчаливой поддержки его сильной руки на моем плече. Все это заканчивается. Прямо сейчас. Я подхожу к нему сзади, касаюсь его плеча. Он оборачивается, и его глаза, такие ясные и любимые, вопрошают. Запах его одеколона, знакомый и родной, кружит голову.

— У меня для вас сюрприз, — я поднимаю бокал с соком, и голос едва не срывается. — Мы ждём ребёнка.

На секунду воцаряется тишина. Потом аплодисменты. Коллеги поздравляют, хлопают по плечу, но мой муж...

— Леш, — выдыхаю я. — У нас наконец-то получилось. Тесты, анализы, бесконечные УЗИ... Больше никакого отчаяния. У нас будет малыш.

Я жду. Жду, когда его лицо озарится ослепительной радостью. Как он вскочит и обнимет меня так, что закружится голова! Как засмеется тем своим смехом, который слышу

только я, счастливым и немного смущенным.

Но ничего этого не происходит.

“Почему ты молчишь?” — хочется закричать, но слова застревают в горле.

Его рука, которая только что лежала на столе расслабленно, вдруг сжимается в белый, костяной кулак. Я вижу, как буквально на глазах от его лица отливает кровь. Он не просто бледнеет — он становится серым, восковым, как манекен. Его взгляд, только что такой живой и теплый, стекленеет, упираясь в меня, но не видя. В его глазах читается чистый, нефильТРованный ужас.

Внутри меня все обрывается и падает в ледяную бездну.

— Ты..., — мой голос звучит хрипло, чуждо. — Ты не рад? — мой голос, как тонкая стеклянная нить. Он делает глоток вина. Рука дико дрожит, и он ставит бокал, чтобы скрыть это.

— Это... неожиданно.

Во мне что-то сжимается в ледяной ком.

— Неприятно? — я задыхаюсь от непонимания. — Десять лет попыток, Леша. Два ЭКО! Это для тебя "неприятно"?!

Он отводит взгляд. И этот жест говорит обо всем намного больше, чем слова.

— У тебя будет первенец! — договариваю я почти шепотом, хватая его холодную руку.

Из-за его спины раздается тихий, сдавленный звук. Как

кошачье мурлыканье. Это смеется Вера. Его помощница.

Она откинулась на спинку стула, вращая в длинных пальцах ножку бокала. Ее глаза холодные и насмешливые. Они ползут по моему лицу, и в них я читаю не просто злорадство, а торжество.

— Ой, а разве Леша тебе не сказал? — ее голос сладок, как сироп, и так же ядовит. — Ты с этим немного опоздала. Лет так на пять, не меньше. Мы же с тобой, можно сказать, коллеги по несчастью. Только моя часть “несчастья” уже ходит в старшую группу садика. Поздравляю, кстати. Теперь у Леша будет двое детей.

Алексей резко дергается, как от удара током. Он оборачивается к ней, и на его сером лице зажигается дикая, животная паника.

— Вера, помолчи! — шипит он сквозь стиснутые зубы, и его шея напрягается.

— Да ладно тебе, Леш. Разве ты не ждал этого момента?

— Замолчи уже! — рычит он, с грохотом ударяя бокал о стол.

Но она лишь лениво отмахивается, как от надоедливой мухи. Ее ухмылка становится только шире.

— Да ладно тебе. Хватит уже это скрывать. Думаю, давно пора было рассказать твоей законной жене правду.

И тогда происходит то, от чего мое сознание начинает медленно и необратимо трескаться, как лед под ногами. Ее худая рука, с идеальным маникюром кровавого цвета, мед-

ленно, демонстративно ложится поверх его сжатого кулака.

Она не просто кладет ее. Она разжимает его пальцы своими и сплетается с ними. Пальцы в пальцы. Ее тонкие и холодные, в его сильных, знакомых до каждой черточки пальцах. И он... он не отдергивает руку.

Тишина за нашим концом стола становится звенящей, физически давящей. Илья опускает голову, уставившись в тарелку. Марина делает вид, что что-то ищет в сумочке, ее щеки пылают. Кто-то торопливо заводит разговор о футболе, но голос дрожит. Они все знают. Они всё знают!

— Леша..., — мой собственный голос доносится до меня из какой-то далекой трубы, хриплый, разбитый. — Объясни. Объясни, что это значит.

Лицо Кати из отдела маркетинга перекошено от жалости. Она осторожно трогает мое плечо, что-то шепчет, пытается отвести в сторону. Но я сбрасываю ее руку. Я не могу пошевелиться. Мой взгляд прикован к этому жуткому зрелищу. К их сплетенным рукам.

Вера издает театральный вздох, полный пресыщенного скучания.

— Да забей ты уже, — тянет она, отхлебывая вина, будто обсуждает погоду. — Не устраивай истерик. Это так вульгарно. Тут, в общем-то, все в курсе. У твоего идеального мужа давно есть ребенок. Сын. Прелестный мальчик, — она делает паузу, чтобы насладиться эффектом. — И он от меня. Ну или, если угодно, то мой ребенок от твоего мужа. Тут, как

тебе больше нравится.

Мир не просто рушится. Он взрывается. Миллионами острых осколков, которые с медленной скоростью впиваются в меня, в самое нутро. Звуки вечеринки тонут в нарастающем гуле в ушах. Перед глазами плывут красные пятна. Я вижу их руки. Вижу ее торжествующую, хищную улыбку. Вижу лицо моего мужа, искаженное не раскаянием, а страхом. Страхом быть пойманным.

И вдруг я понимаю, что не могу дышать. Воздух больше не проходит. Легкие, сжаты ледяными тисками. Во рту пересыхает, горло сжимается в спазме. Это не метафора. Это физиологический шок, от которого темнеет в глазах, а ноги становятся ватными.

— Первенец..., — вырывается у меня хриплый, бессмысленный лепет. — Наш ребенок. Он же... первенец...

Вера смотрит на меня с нескрываемым презрением.

— Ну, если только для тебя.

И это последний, добивающий удар. Мое тело наконец подает сигнал бедствия. Я чувствую, как земля уходит из-под ног, а столпотворение лиц вокруг закручивается в темную, беззвучную воронку.

Последнее, что я вижу перед тем, как все поглощает чернота, — это их сплетенные руки и тонкий золотой браслет на ее запястье. С двумя подвесками. Мишка... и точная миниатюрная копия тех запонок-якорей, которые я, подарила Леше на пятую годовщину свадьбы.

Глава 2

Виталина

Сознание возвращается ко мне волной. Тело ноет, меня качает на ходу. Я понимаю, что нахожусь на заднем сиденье его машины. Значит, он вынес меня из этого кошмара. Вынес, как вещь. Как проблему, которую нужно срочно убрать с глаз долой.

Меня окружает терпкий, дорогой аромат его автомобильного освежителя, смешанный с едва уловимым запахом его кожи и любимого одеколона. Этот запах — дом. Безопасность. На секунду безумная надежда прожигает мозг: кошмар. Мне все это приснилось. Сейчас полностью открою глаза, и все будет как прежде.

— Вита, ты как?

Его голос. Взволнованный, натянутый, но такой родной. Рука касается моего лба. Его большая, теплая ладонь, которой он так часто гладил мои волосы.

Рефлекторно я хватаю его руку, прижимаю к щеке, к губам, ищу спасения в этом прикосновении. И в ту же секунду перед глазами, будто на внутренней пленке, вспыхивает картинка: его пальцы, сплетенные с длинными, ухоженными пальцами, с маникюром цвета крови.

Я отшвыриваю его руку, как обожженную. Резко сажусь на заднем сиденье, голова кружится, в висках стучит.

Он сидит на месте водителя. Не рядом. Не обнимает меня, не пытается утешить. Он — там. Отдельно. Отгороженный подлокотником и пятью годами лжи.

— Ты переутомилась, — говорит он, не оборачиваясь, глядя прямо перед собой на темную улицу. Голос глухой, без эмоций. — Давай домой.

Заводит двигатель. Я пытаюсь глубоко вдохнуть, привести в порядок хаос в голове, но мысли путаются, плывут, как в густом тумане. Во рту противно и сухо. Состояние, будто я перебрала на вечеринке, но я же... я не пила. Ни капли. Ради малыша. Ради нашей с ним мечты. Значит, это не опьянение. Это — отравление. Отравление правдой.

Он молчит всю дорогу. Я смотрю на его затылок в свете уличных фонарей. Этого человека я знаю, кажется, лучше, чем саму себя. Каждую родинку, каждую морщинку. А сегодня вижу впервые.

Машина останавливается у нашего дома. Того самого, который мы выбирали вместе, в который въезжали, смеясь и целуясь, который обустраивали с любовью, мечтая заполнить его детскими голосами. Фасад кажется мне чужим и пугающим.

Он выходит и открывает мне дверь. Ведет себя с преувеличенной осторожностью, будто я хрустальная ваза, которая вот-вот треснет. В коридоре он молча наклоняется, чтобы помочь мне снять туфли. Как всегда. Привычно. По-домашнему, но сегодня его пальцы касаются моей лодыжки, и я

вздрагиваю.

Он провожает меня в спальню. Та самая комната, где мы пытались зачать ребенка. Где плакали от отчаяния и держались друг за друга, как тонущие. Он усаживает меня на край кровати, на наше брачное ложе, и отступает на шаг, словно боясь подойти ближе.

И вот тут тишина взрывается.

— Объясни, — мой голос звучит тихо, но это тишина после грома. В нем нет ни слез, ни истерики. Только лед. — Немедленно. С начала и до конца. Кто этот мальчик? О ком говорила Вера?

Он отводит глаза и смотрит в окно на спящий город.

— Не всё так однозначно, Вита..., — начинает он, и это первое, что он говорит мне после всего. Не “прости”, не “я люблю тебя”. “Не так всё однозначно”.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так. Я... я вообще не хотел, чтобы ты узнала.

Во мне что-то обрывается.

— То есть ты планировал продолжать этот... этот фарс? До старости? Пока твой сын, что... Не женился бы? Или ты оттягивал бы все и дальше?

Он молчит. И этот молчаливый ответ страшнее любых слов.

И тут мозг, отказывавшийся работать, вдруг включает адскую калькуляцию. Пять лет. Его сыну пять лет. Сейчас. Значит, он родился... тогда. Пять лет назад.

Пять лет назад. Это был пик наших попыток. Месяцы, наполненные графиками базальной температуры, гормональными препаратами, которые делали меня нервной и отекающей, бесконечными УЗИ и двумя провалившимися ЭКО. Это были ночи, когда я рыдала у него на груди, а он гладил мои волосы и шептал: “Ничего, ничего, родная, все получится, мы справимся”. Он утешал меня, целовал мои мокрые от слез щеки, говорил, что я самая сильная женщина на свете... а сам в это время...

— Ты... отчаялся? — вырывается у меня. Голос срывается, предательски дрожит. — Через пять лет? Решил, что я бесплодная неудачница, и пошел заводить ребенка на стороне? Пока я лежала в клиниках, ты... ты был с ней?

Он закрывает лицо руками. Его плечи сгорблены.

— Нет! — это звучит почти как крик. — Все не так! Просто... так получилось. Я же говорю, что все не так однозначно, Вит.

— Так получилось! — я вскакиваю с кровати, и голова снова идет кругом, но я не чувствую ничего, кроме белой, холодной ярости. — Ребенок не появляется от “так получилось”, Алексей! Ты все это время жил двойной жизнью! И все они... все на работе знали? Илья? Марина?

В голове тут же проносятся воспоминания. Леша. Мой Леша, который так не любит, когда кто-то уходит в декрет... Всегда ворчит, разоряется, что сложно найти специалиста. И Вера. Когда она сказала, что ждет ребенка, он никак не от-

реагировал. А потом декрет и ни единого слова от него.

И сейчас он молчит. Снова его молчание кричит громче слов.

Я отступаю от него, к стене, как от прокаженного.

— Уходи, — шиплю я. — Вон из моей спальни. Я не могу на тебя смотреть.

Он пытается что-то сказать, протягивает ко мне руку.

— Виталина... тебе нельзя нервничать. Если то, что ты говоришь, действительно правда... если ты не ошиблась... Черт! Виталина, остынь. Давай не будем сейчас об этом!

Если правда... Он все еще сомневается. Или просто-напросто не хочет, чтобы это было правдой?

— Убирайся! — выкрикиваю я, и он оставляет меня в комнате одну.

Дверь за ним тихо закрывается.

Я остаюсь одна. В тишине нашей спальни, которая больше не наша. Медленно сползаю на пол, обхватываю колени руками и наконец-то разрешаю себе тишину. Тело содрогается от беззвучных, сухих рыданий. В голове проносятся обрывки мыслей: развод, адвокаты, как делить эту квартиру, которую я сейчас ненавижу больше всего на свете, этот бизнес, который мы строили вместе.

Рука машинально тянется к телефону, чтобы позвонить маме, подруге, хоть кому-нибудь... Мой взгляд падает на экран. На нем как по злому року судьбы светится уведомление из приложения для беременных, которое я скачала сего-

дня утром, как только подтвердилась беременность: “Не забывайте, сейчас вы отвечаете за двоих! Сохраняйте спокойствие и хорошее настроение”.

А потом рука снова ложится на живот. На нашего ребенка. Нашего настоящего, долгожданного ребенка, зачатого в любви и надежде, которая оказалась фальшивкой. И вдруг сквозь горечь и боль пробивается новый, еще чужой импульс. Я медленно поднимаю голову, вытирая щеки тыльной стороной ладони. Слез больше нет. Есть только он. Мой малыш. И я теперь единственная, кто будет его защищать.

Визуал Виталина

Знакомимся!

Виталина. 38 лет. Считала свой брак идеальным, пока не узнала страшную правду

Визуал Алексей

Алексей. Муж нашей героини

Как вам визуалы? Может, есть кто-то еще, кого бы вы хотели увидеть?))

Глава 3

Виталина

Ночь оказалась намного хуже, чем я могла себе представить. Хуже любого кошмара. Потому что кошмар всегда заканчивается, стоит только проснуться. А это — нет. Это новая реальность, липкая и отвратительная, как паутина, в которой я запуталась с головой.

За всю ночь сна не было ни на одну секунду. Веки слипаются от усталости, но стоит их закрыть, как на внутреннем экране вспыхивает картинка: его рука, ее рука, их пальцы, сплетенные в чудовищный, постыдный союз. Я ворочаюсь, пытаюсь найти место на простыне, которое не пахнет им, но его запах везде. Он въелся в подушки, в одеяло, в воздух этой комнаты, этой жизни, которую я считала своей.

Под утро я просто лежу, уставившись в потолок. Внутри — ледяная пустота. Все чувства выжжены дотла, осталась только серая, безжизненная зола. И тихий, настойчивый голос, который шепчет: “Что дальше?”

Идти в офис? Мысль кажется абсурдной. Как я могу переступить порог того места, где все это случилось? Где каждый угол, каждый взгляд будут мне это напоминать. Но сидеть здесь, в этой ловушке из его лжи, тоже невозможно. Я должна двигаться. Делать что-то. Хотя бы для видимости. Чтобы показать всем, что я не сломалась. Что я стою на ногах.

Иду в ванную, привожу себя в человеческий вид. Потом завтрак. Кружка чая и больше ничего, потому что в горле все еще стоит ком его предательства.

Я надеваю серый костюм — броню, которая сегодня кажется тонкой и хлипкой. Крашусь, пытаюсь скрыть синяки под глазами и мертвенную бледность. Мои руки дрожат. В отражении в зеркале — чужая женщина с пустыми глазами.

— Им должно быть стыдно, — вдруг проносится в голове резкая, ясная мысль, и от нее по телу разливается короткая, отрезвляющая волна гнева. — Не мне. ИМ. Они знали. Все они. И молчали. Смотрели мне в глаза, улыбались, праздновали наши успехи... и знали, что мой мир в этот момент трещит по швам.

Этот гнев, едкий и горький, как желчь, дает мне силы дойти до машины, доехать до офиса, войти в лифт.

Сердце колотится где-то в горле, ноги ватные. Я вхожу в приемную, и на меня сразу обрушивается гробовая тишина. Не та праздничная, что была вчера, а тяжелая, затхлая, полная недосказанности. Коллеги замирают на полуслове, кто-то торопливо отворачивается к монитору, кто-то делает вид, что лихорадочно ищет бумаги. Их лица выражают неловкость, жалость, а у некоторых — даже любопытство, приправленное злорадством.

Я иду сквозь этот молчаливый строй, высоко подняв голову, хотя мне хочется сжаться в комок и провалиться сквозь землю. Мой кабинет — моя крепость. Еще несколько шагов.

И тут открывается дверь в кабинет Алексея, и выходит она. Вера. Вроде все как всегда, но теперь я знаю правду и догадываюсь, что именно она там делала.

Сегодня она в другом платье, но с той же самой наглой ухмылкой на лице. В руках она держит папку, ее каблук уверенно стучат по паркету. Она направляется прямо ко мне, будто ждала.

Останавливается в шаге, оглядывает меня с ног до головы пренебрежительным взглядом.

— Оу, смотрите, кто пришел! — ее голос приторно сладкий. — Я думала, что ты сегодня будешь отлеживаться. Набираться сил. Может, рыдать в подушку. Или тебя ничуть не удивила вчерашняя ситуация?

Я не отвечаю. Сжимаю пальцы в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Боль помогает не расплакаться.

Она делает шаг ближе, понижая голос до интимного, проникновенного шепота, который слышу только я.

— Ты вчера так трогательно говорила про своего “первенца”. Жаль, что он первенец только для тебя. А все остальное всего лишь ложь. Как и твой муж. Как твоя счастливая семья, — она усмехается. — Наверное, обидно. Столько лет лжи, а оказывается, что...

— Он все еще мой муж, — обрываю ее.

— Ошибаешься. У нас с ним общий ребенок. Это навсегда. А твой... твой пока еще даже не родился. И кто знает... может, после стольких попыток и не родится, — подмигива-

ет она, и я интуитивно прикрываю живот рукой.

От ее слов по коже бегут мурашки. В горле встает ком. Я чувствую, как красные пятна заливают шею и лицо, но сдерживаюсь. Молчу.

Она видит, что не добилась реакции, и ее глаза сужаются. После чего бросает последнюю, убийственную фразу, бьющую точно в самое больное, в мое десятилетнее бесплодие, в мои самые страшные страхи и комплексы.

— Вообще, честно говоря, удивительно, что у него с тобой вообще что-то получилось. Я уж думала, ты совсем бесплодна.

Этот удар настолько подлый, настолько точный, что у меня перехватывает дыхание. Весь мой гнев, вся боль, вся ночь унижений — все это клокочет внутри и рвется наружу. Рука сама по себе дергается, и я едва успеваю поймать себя на диком, первобытном желании ударить ее, стереть с ее лица эту мерзкую улыбку.

Я делаю шаг назад, задыхаясь. Глотаю воздух, чувствуя, как слезы предательски подступают к глазам, но я не позволю ей их видеть. Ни за что.

— Кончай этот дешевый спектакль, Вера, — слышу я свой собственный голос, тихий, но звенящий от ненависти. Он кажется мне чужим. — Ты получила то, что хотела? Теперь отойди с моей дороги. У меня работа.

Я обхожу ее, чувствуя тяжелый взгляд у себя на спине. Он жжет, как раскаленное железо. Я захожу в свой кабинет, за-

крываю дверь и прижимаюсь к ней спиной, дрожа всем телом.

Вокруг тишина. Только бешеный стук сердца в ушах. Я не выдержала. Я почти сорвалась. Я могла своими поступками навредить нашему малышу.

Нет. Уже не нашему.

Моему. Я могла навредить своему малышу.

Но Вера знает, куда бить. Она знает все мои больные места.

Я медленно сползаю по двери на пол, обхватываю колени руками и наконец-то позволяю себе заплакать. Тихо, беззвучно, чтобы никто не услышал за дверью. Потому что теперь за этой дверью — враги.

А внутри растет холодная, стальная решимость. Они все думают, что я сломясь. Что я — жертва. Алексей, Вера, все эти молчавшие годами предатели, которых я считала своей семьей, но они ошибаются.

Мои прекрасные!
Моя новинка очень нуждается в вашей поддержке в момент старта. И если у вас нажаты три волшебные кнопочки, как на картинке внизу, то вы уже безумно мне помогли. И я вас всех искренне благодарю и посылаю лучики солнца. А если еще нет, то я буду безмерно вам благодарна за звездочки и комментарии)))

Глава 4

Виталина

После обеда в офисе наступает сонная, залитая солнцем тишина. Я пытаюсь сосредоточиться на отчете, но цифры плывут перед глазами, не складываясь в смысл. В голове стучит одна и та же мысль: за стенкой — он. Всего в нескольких метрах. И между нами — пропасть.

И тут, как по какому-то ужасному, заезженному сценарию обычного дня, дверь приоткрывается. Он всегда так заходил после ланча. Просто поговорить, отвлечься, поделиться мыслями.

“Вита, послушай, что придумал”, — всегда говорил он, и его глаза сияли.

Сегодня он входит неуверенно, почти крадучись. Звук открывающейся двери заставляет меня вздрогнуть, как от выстрела. Ручка выскальзывает из онемевших пальцев и с глухим стуком падает на пол.

Как же теперь смешно и нелепо, что наши кабинеты по соседству. Что эта стена такая тонкая. Что он может вот так просто войти, как будто ничего не произошло. Как будто вчера он не перечеркнул нашу жизнь одним махом.

Он закрывает за собой дверь, останавливается у входа, не решаясь подойти ближе. Его взгляд — виноватый, усталый, вымученный. Таким я его никогда не видела. Он всегда был

уверен в себе, как скала.

— Вита, — его голос тихий, хриплый. — Послушай меня, пожалуйста. Нам нужен разговор.

Я не отвечаю. Просто смотрю на него, впитывая каждую деталь его лица, пытаюсь найти в нем того мужчину, которого любила. И не нахожу.

— Надеюсь, тебе... легче, — он запинается, понимая, насколько это звучит нелепо. — Ты... ты уверена, что беременна? Может, стоит перепроверить? Сходить к врачу?

Его вопрос обжигает меня изнутри ледяным презрением.

— Тебя это уже не касается, Алексей, — мой голос плоский, без единой эмоции. — Результаты моего здоровья тебя больше не должны волновать. Или ты теперь на всех женщин заводишь медицинскую карту?

Он вздрагивает, будто я его ударила. Проводит рукой по лицу.

— Я понимаю, что виноват. Безмерно. И я это признаю. Да, у меня есть ребенок. Это мой сын, и я его отец. И я буду за него отвечать. Это не обсуждается.

Вот он. Приговор. Произнесен его собственными устами. Не “была ошибка”, не “она сама виновата”. А четкое, ясное: “мой сын, я отец, буду отвечать”.

Во мне что-то обрывается, и ледяная стена сдерживания дает трещину. Голос срывается на высокую, истеричную ноту.

— Отвечать? КАК?! То есть ты будешь жить на две семьи?

Приезжать ко мне на выходные, а к нему — в будни? Или мы будем делить тебя по графику? Первого и пятнадцатого — у меня, остальное — у Веры? Это твой план, Леша?

— НЕТ! — он почти кричит, но сразу же сбивается на шепот, боясь, что услышат за дверью. — Нет, я не буду жить на две семьи. Я пока не знаю, как это будет... Но я не откажусь от сына. Я не могу его бросить. Тем более, пока ты не узнала, все же было нормально. Я же как-то справлялся.

— Справлялся. Не можешь его бросить? — во мне вскипает горькая и слепая ярость. — А меня бросить можешь? Нас? Того ребенка, которого мы ждали десять лет? Ты уже сделал свой выбор, Алексей! Ты сделал его шесть лет назад, когда впервые изменил мне! Ты просто прикрывался мной и нашим несчастьем, пока строил свою другую, по-настоящему счастливую жизнь!

Он молчит. Стоит, опустив голову, и его молчание — самое страшное признание.

И вот в этот момент я окончательно понимаю. Ощущаю это физически, будто подо мной рухнул пол. Мой мир — тот, в котором я жила, которым дышала, который любила, — не просто дал трещину. Он рассыпался в прах.

Наш общий бизнес, наш дом, наши планы, наши воспоминания — все это было построено на лжи.

Он был отцом, пока я считала себя бесплодной. Он праздновал дни рождения своего сына, пока я плакала в ванной после очередной неудачи.

Я смотрю на него, и меня охватывает не просто боль. Это чувство полной, абсолютной потери ориентиров. Я не знаю, кто этот человек. Я не знаю, кем была я все эти годы. Глупой, слепой женой, которой удобно прикрываться?

— Вита..., — он снова пытается заговорить, и в его голосе слышится надлом. — Я не хочу тебя терять. Я люблю тебя.

Эти слова, которые я слышала каждый день, которые были смыслом и опорой, теперь звучат как насмешка. Как самый страшный оскорбительный плевок в душу.

— Тебе пора, Леша. Работа. Контракты, — выдыхаю я. Во мне не осталось ни сил, ни эмоций. Только всепоглощающая, тотальная усталость. — Просто уйди. Уйди от меня. И не заходи больше в мой кабинет без необходимости. Никогда.

Он замирает на секунду, потом медленно, будто старик, кивает. Разворачивается и выходит, тихо прикрыв дверь.

Я остаюсь одна. Слышу, как за стеной скрипит его кресло. Он — там. Всего в нескольких метрах. И между нами — целая вечность предательства. И наш ребенок, который теперь будет расти в тени ребенка, рожденного от лжи.

Глава 5

Виталина

Ровно в четыре я собираю сумку. Раньше положенного на час. Специально. Намеренно. Ни на кого не смотрю, не прощаюсь. Мне нужно уйти, пока остальные не начали собираться. Бежать от этих стен, пропитанных ложью, от этих сочувствующих или злорадствующих взглядов. Каждый взгляд — словно игла, вонзается в кожу.

Мне нужно время, чтобы все обдумать. Прийти в себя. И есть лишь одно место, где я могу это сделать.

Я выхожу из офиса, и первый глоток свежего, прохладного воздуха кажется спасительным. Но он не очищает лёгкие. Всё ещё кажется, что я дышу тем самым спертым, отравленным воздухом из-за праздничного стола.

Сажусь в машину и руки сами по себе выставляют на навигаторе адрес родителей. Далеко. Час езды, а то и больше. Но это именно то, что мне сейчас нужно. Дорога, музыка, гул мотора. Все это обычный белый шум, чтобы попытаться не думать. Но мысли, острые и обрывочные, всё равно пробиваются сквозь него, как сорняки сквозь асфальт.

Его сын. Пять лет. Он водил его на горки? Читал сказки на ночь? Вера. Ее торжествующий взгляд. “Я уж думала, ты совсем бесплодна”. Их сплетенные пальцы. Мой ребёнок. Наш. Тот, о котором мы мечтали.

К горлу подкатывает ком. Я смахиваю предательскую слезу и прибавляю громкость музыки.

Родительский дом встречает меня запахом пирогов и старого паркета. Мама открывает дверь, и на её лице сразу же появляется тревога — она с первого взгляда видит, что что-то не так. Всегда видит. Точно так же, как и двадцать лет назад.

— Дочка, что случилось? Ты бледная, как полотно!

Я не могу сдержаться. Всё вываливаю на них срывающимся, путаным потоком слов, заливаясь слезами у неё на плече. Папа молча стоит в дверях гостиной, его лицо становится всё суровее.

Когда я заканчиваю, в комнате повисает тяжелое молчание. И его первой разрывает мама.

— Всё! Тише. Всё, ясно! — её голос дрожит от ярости, она вскакивает с дивана, глаза горят. — Немедленно бросай его! Собирай вещи и возвращайся домой! Предатель! Подлец! Как он мог? Десять лет совместной жизни! Столько попыток. Столько слов поддержки и такое... Да я его самого...

Она заходится в гнев, сжимая кулаки.

Я смотрю на неё, и часть меня жадно ловит ее праведный гнев, хочет в него убежать, сделать всё именно так. Сжечь все мосты, разорвать, уничтожить.

Но тут тихий, спокойный голос отца:

— Таня, успокойся. Не горячись.

Папа не двигается с места, его руки скрещены на груди.

— Как это не горячись?! — мама обращается к нему, будто он только что предал её лично. — Ты слышал, что этот негодяй вытворял? А? И ты его защищаешь? Мужская солидарность, да?

Папа лишь усмехается и машет рукой, отмахиваясь от её гнева, как от назойливой мухи.

— При чём тут солидарность? Глупости это все. Я о дочери думаю. И о внуке моем. Или внучке. Кого уж там Бог пошлет, — он смотрит прямо на меня. Его взгляд твердый и спокойный. — Ты беременна, Витуля. Гормоны, стресс... Решения принятые тобой сейчас — самые важные в жизни. Их нельзя принимать сгоряча или под влиянием эмоций. Подумай. Взвесь всё. О ребенке подумай. О себе. Как ты будешь одна? С малышом на руках? С работой? Ну разведетесь. Поделите свой бизнес, квартиры, машины. Придется начинать заново. К нам вернешься? Сомневаюсь. Тебе тут с малышом тяжело будет. Значит, квартира нужна. Пока раздел идет, что будешь делать?

— Ипотека, — тихо говорю.

— Ипотека. Хорошо, а платить за нее как?

— А ну прекрати ее отговаривать! — шикает на него мама.

— Я не отговариваю, а взываю к разуму. Надо остыть. Взвесить все. Поговорить с Алексеем.

Его слова — как ушат ледяной воды. Они не охлаждают ярость, нет. Но они заставляют задуматься. Вырывают из

плена эмоций и ставят перед жёсткими, практичными фактами.

— Значит, что, простить его надо? — шипит мама. — Из-за денег? Из-за удобства?

— Я не говорю, что простить, — спокойно отвечает папа. — Я говорю — подумать. Не рубить с плеча. Решение должно быть твоим, дочка. Взвешенным. Таким, о котором ты не пожалеешь через год или через пять лет, когда твой ребенок спросит, где папа.

Я смотрю то на разгневанное, полное боли лицо мамы, то на сдержанное, практичное лицо отца. И впервые за этот кошмарный день я чувствую не только свою собственную боль. Я чувствую тяжесть ожиданий. От меня ждут разных решений. Мама ждет мести и разрыва. Отец — холодного расчёта и осторожности.

А чего жду от себя я?

Я закрываю глаза. Передо мной встают весы. На одну чашу ложится вся наша любовь, десять лет жизни, общие мечты, бизнес, который мы строили вместе, его теплые руки, его смех над ухом по утрам. Всё, что было моим миром.

На другую чашу с грохотом падает одна-единственная, но невероятно тяжелая гиря: его ребенок. И ещё одна чуть меньше, но от этого не менее тяжелая — предательство. Не мимолетная измена, не случайная связь. А продуманная, длившаяся годами ложь. Двойная жизнь.

Как простить это? Как смотреть на него, зная, что всё это

время у него была другая семья? Как доверять?

Но как отпустить? Как вычеркнуть из жизни человека, который был ее центром?

— Я не знаю, — тихо говорю я, и мой голос звучит потеряно. — Я не знаю, что делать.

Мама обнимает меня, гладит по голове.

— Всё решится, дочка. Всё наладится.

Но в её голосе нет уверенности. Есть только боль за меня. И я понимаю, что не наладится. Уже никогда не будет так, как раньше. Какой бы путь я ни выбрала, он будет трудным. И боль будет моей постоянной спутницей.

Я сижу между своими родителями, и мне так же одиноко, как и в пустой спальне прошлой ночью. Потому что этот выбор — только мой. И его не сделает никто, кроме меня.

Глава 6

Виталина

Еще один день. Я все еще жива и за эту ночь обрела еще больше уверенности в себе. Странно, но мир вокруг меня не рухнул. Земля не разверзлась под ногами. Все, как и всегда. С одним лишь отличием. Теперь я могу рассчитывать только на себя.

Сегодня я ночевала в своей девичьей комнате, среди пожелтевших постеров и старых книг. Казалось, что здесь, под родительским крылом, можно спрятаться от всего.

Молча поднимаюсь с кровати, подхожу к зеркалу и собираюсь на работу. Тщательно наношу тональный крем, пытаюсь скрыть следы бессонной ночи. Подводка — четче обычного. Помада — яркого, уверенного цвета. Это мой боевой раскрас. Я не отступлю. Не покажу им, как мне больно. Пусть думают, что мне плевать. Пусть видят холодную, собранную, неуязвимую Виталину.

Ладонь на мгновение ложится на еще плоский живот.

— Ради тебя, малыш, — шепчу я почти беззвучно. — Я буду сильной. Для нас обоих.

— Вита, ты уже уезжаешь? — мама останавливает меня у выхода.

— Да. Я не позволю одним поступком перечеркнуть годы моей работы.

— Ты права. Разберись там со всем и знай, что мы всегда рады видеть тебя в нашем доме.

— Знаю, мамуль. Спасибо. Обними за меня папу.

— Конечно, вот еще, — она протягивает мне аккуратный контейнер с плотной крышкой. — Я собрала тебе обед. Не ешь где попало. В твоём положении лучше следить за тем, что ешь.

— Спасибо, — целую ее в макушку и забираю еще теплую еду из ее заботливых рук.

— Витуль, береги себя. Не позволяй никому мотать тебе нервы. Молча киваю и выхожу. Я никому не позволю отнять у меня то, во что я вложила свою душу.

Дорога в офис кажется короче. Я не думаю, просто веду машину на автопилоте. Паркуюсь, захожу в здание. Голова высоко поднята, взгляд устремлен прямо перед собой, в никуда. Я не вижу сотрудников, не слышу приглушенных приветствий. Я — крепость.

И вот я выхожу из лифта на своем этаже, и моя броня тут же дает трещину. Он стоит прямо напротив дверей лифта, будто караулил меня. Алексей. Бледный, помятый, с тенью щетины на щеках. В его глазах читается паника и вина.

— Вита..., — он делает шаг ко мне, но я отступаю. — Подожди. Пожалуйста. Дай мне сказать.

Я не останавливаясь иду к своему кабинету. Он идет рядом, как привязанный.

— Я виноват. Конечно, виноват. Но... это всё получилось

как-то случайно... Само...

Я резко останавливаюсь и поворачиваюсь к нему. Мой взгляд, должно быть, холодный, потому что он внезапно замолкает.

— Случайно? — мой голос тихий, но каждый звук отточен, как лезвие. — Случайно ты пять лет ходил к другой женщине? Случайно у вас родился ребенок? Это какая-то удивительная череда случайностей, Алексей. Может, ты просто неудачник, вечно попадающий в нелепые ситуации?

Он смотрит в пол, не в силах выдержать мой взгляд.

— Ты не понимаешь... Все совершенно не так, как кажется, — его голос внезапно обретает стальные нотки.

— Не так, как кажется? Это ты сейчас про нашу жизнь?

— Нет, Вита. Просто... Ты права, у нас с Верой есть ребенок, но...

В его оправданиях проскальзывает что-то новое, какая-то незнакомая нота. Почти нежность.

— Этого достаточно для того, чтобы я подала на развод, Леша. В тот день. В зале, перед всеми гостями, ты не сделал ничего. Она взяла тебя за руку, но ты не одернул ее. Ты не стал оправдываться или как-то реагировать. Ты промолчал. А на следующий день... Ты знаешь, что на следующий день она вышла из твоего кабинета и дерзила мне?

— Я не знал, Вита. Давай я с ней поговорю. До того дня она же молчала. Все было нормально.

— Молчала. Хорошее оправдание. Только она по всей ви-

димости, устала быть в тени. Ты же не думал, что правда никогда не выйдет наружу? А знаешь, что еще интересно?

Он виновато опускает голову вниз. Мотает ей из стороны в сторону и молчит.

— То, что ты никогда не говорил о ней плохо. Ни разу. Даже когда я жаловалась на её наглость, на её странные взгляды. Ты отмалчивался или говорил, что она хороший специалист. Она ведь для тебя особенная, да?

Он молчит. И это молчание — красноречивее любых слов. Да, она для него особенная. Та, что родила ему сына.

Во мне закипает та самая сдержанная до поры ярость. Унижение прошлой ночи, её ухмылка, её слова — всё это вырывается наружу.

— Ты знаешь, что я чувствовала вчера? Знаешь? Унижение. Кромешное, всепоглощающее унижение. Не только из-за твоего предательства. А из-за того, что ты МОЛЧАЛ. Ты сидел и молчал, пока она оскорбляла меня! Пока она намекала на мою несостоятельность как женщины! Ты позволил ей это делать! Ты молчал все эти годы, пока она, должно быть, посмеивалась надо мной в курилке!

Я повышаю голос, но он не срывается на крик. Он становится низким, ядовитым, полным презрения.

— И что теперь? Внезапно проснулась совесть? Или Вера просто устала сидеть в тени и решила поставить тебя перед фактом? Предъявить права? И ты, такой сильный и решительный в бизнесе, просто пошел у нее на поводу? Не смог

ей отказать? Сказать “нет”?

Он смотрит на меня, и в его глазах читается растерянность. Он не знает, что ответить. Все мои слова — правда, и он не может с ними спорить. Он чувствует свою вину, и она парализует его.

— Я... я не знал, как тебе сказать, — это всё, что он может выжать из себя. — Я не хотел тебя ранить.

— Не хотел ранить? — я издаю короткий, сухой, безрадостный звук, похожий на лай. — Поздно, Алексей. Ты не просто ранил. Ты уничтожил. Всё. Нашу семью, наше доверие, наше прошлое и наше будущее. Ты отнял у меня даже право на правду. И знаешь, что самое мерзкое? Теперь ты ещё и отец моего ребёнка. И я навсегда привязана к тебе этим.

Я вижу, как он бледнеет еще больше. Мои слова бьют точно в цель. Он не думал об этом. Не думал, что два его мира столкнутся так жестоко и навсегда переплетутся.

Я поворачиваюсь к нему спиной и открываю дверь в свой кабинет.

— Отстань от меня, Алексей. У меня работа. И, похоже, мне теперь придётся работать за двоих.

Я захожу внутрь и захлопываю дверь, не глядя на него. Прислоняюсь к ней спиной и закрываю глаза, стараясь заглушить бешеный стук сердца. Я была сильной. Я сказала всё, что хотела. Но почему на душе всё так же пусто и больно?

Потому что никакие слова уже не исправят того, что он

натворил.

Глава 7

Виталина

В офисе ко мне начинают относиться как к хрустальной вазе. Той самой, что чуть не разбилась на их глазах. Взгляды коллег скользят по мне, но довольно быстро отводятся в сторону, полные жалости. Кто-то пытается улыбнуться — получается кривая, несчастная гримаса.

Они все знают о ребенке. О его сыне. И делают вид, что так и надо. Что это — новая нормальность. Я чувствую себя чужой на этом корабле, который сама же помогала строить. Призраком в собственном прошлом.

Вот только теперь мне придется внести значительные коррективы в структуру этого самого “корабля”.

К полудню желудок напоминает о себе легкой тошнотой. Не от голода, а от стресса. Но я должна есть. Ради малыша. Иду в столовую, достаю из сумки контейнер. Мама, как всегда, положила курицу и рис с овощами. Полезно, сбалансированно. Она всегда думает о моем здоровье, а сейчас особенно тщательно.

Разогреваю еду в микроволновке. Монотонный гул заполняет тишину. Я смотрю, как за стеклом крутится тарелка, и чувствую, как по спине пробегает холодок. Я не одна.

Оборачиваюсь. В дверях стоит Марина. Она заходит. Неуверенно садится за стол напротив, но ничего не ставит

греть. Просто сидит, сцепив пальцы в замок.

— Вит, давай поговорим, — говорит она тихо. — Мы же не чужие люди. Столько лет вместе работаем. Я считаю тебя своей близкой подругой и...

Я молча достаю свой контейнер и сажусь за стол. Беру вилку, делаю вид, что поглощена рисом. На удивление, сегодня он безвкусен, как опилки.

— Говори, я слушаю, — мой голос ровный, отстраненный. Внутри же все рвется на части. Каждое слово Марины я ловлю как приговор.

Она тяжело вздыхает.

— Вит, прости, что не сказала. Мы все... Леша... Алексей Владиславович, — она исправляется, и это мелкое изменение в обращении режет по живому. — Он просил нас молчать. Уговаривал, потом приказал. Грозил увольнениями.

Я откладываю вилку. Смотрю на нее, но не вижу. Вместо нее представляю его лицо, которое просило их молчать. Как он лгал им. Лгал мне.

— А вы не боялись, что я все равно узнаю, и уволю вас сама? — мой голос полон спокойствия.

— Он... он сказал, что ты ничего не узнаешь, а если и узнаешь, то он решит эту проблему.

— Ясно, — не удивляюсь ее словам. Это очень похоже на моего мужа. — И давно вы все в курсе? — спрашиваю я, и мой голос не дрожит. Словно речь идет о погоде.

Марина смотрит в стол.

— Почти сразу после того, как Вера вышла из декрета. Спустя несколько месяцев после ее выхода.

В голове снова включается адский калькулятор. Полтора года. Их ребенку было полтора года, когда она вернулась к работе. Я делаю глоток воды, но она не лезет в горло.

— Вита, ты редко тут обедаешь, но... слухи поползли с бешеной скоростью. Вера сама начала рассказывать о том, что твой муж с ней. Что у них ребенок. Сначала никто не воспринял ее всерьез, но потом все начали прислушиваться, — продолжает Марина, заламывая пальцы. — У нас компания небольшая, все друг друга знают. И твой муж... он быстро узнал, что Вера рассказывает всем это. Созвал внеплановое совещание и строго-настрого велел оборвать эти разговоры. Сказал, что уволит одного за другим, если хоть слово дойдет до тебя. Тогда мы все и поняли, что это правда. В курилках еще долго перешептывались на эту тему, но в самом офисе никто старался не упоминать об этом.

Я слушаю это и чувствую, как почва уходит из-под ног. Он не просто скрывал. Он выстроил целую систему обороны. Защищал свою тайну. От меня.

— А где была я во время этой бури? Пока все еще кипело и бурлило. Вы же не замолчали в одно мгновение. Где была я? — спрашиваю, уже зная, что она ответит.

Марина смотрит на меня с бесконечной жалостью.

— Ты... в тот момент ты пропадала в больницах. Тогда ты редко бывала в офисе. Вы пытались завести ребенка и...

— Не продолжай, — обрываю ее. Голос срывается, и я ненавижу себя за эту слабость. — Спасибо, что сказала. Хотя бы это. И сейчас, а не через пять лет.

Я встаю, отодвигаю стул. Есть больше не хочется. Тошнота подкатывает с новой силой. Я подхожу к холодильнику, убираю почти полный контейнер с рисом и курицей. Руки дрожат.

— Вита, прости, я не хотела..., — слышу за спиной ее голос, полный искреннего раскаяния.

Но я уже не могу её слушать. Я выхожу из столовой, оставляя ее там наедине с угрызениями совести. В коридоре я прислоняюсь к прохладной стене, закрываю глаза.

Он угрожал увольнениями. Он заставлял их молчать. Пока я лежала в больнице после очередной неудачной процедуры, он собирал совещание, чтобы сохранить в тайне своего сына. Он выбирал свою ложь снова и снова. Каждый день.

И самый страшный вопрос, который теперь разрывает меня изнутри: а кого он защищал в тот момент? Веру и свою ложь? Или всё-таки меня? И я пока не знаю какой из этих ответов будет хуже.

Глава 8

Виталина

Я не замечаю, как наступает вечер. Сегодня я заканчиваю с работой позднее обычного и в какой-то момент даже радуюсь, что смогла не думать о случившемся так долго.

Сегодня я не убежала раньше. Я выстояла. Отсидела все положенные часы, ответила на письма, сделала вид, что все в полном порядке. Тело ноет от усталости, будто я разгружала вагоны, а не сидела за компьютером. Но внутри — холодная, стальная удовлетворенность. Я не сломалась. Не показала им свою слабость. Это все еще моя работа.

Собираю вещи и выхожу из кабинета. Коридоры уже пустынные, только уборщица где-то вдалеке шуршит шваброй. Иду к лифту, нажимаю кнопку. Двери с тихим шелестом открываются. Я захожу внутрь и оборачиваюсь, чтобы нажать кнопку первого этажа.

И в этот миг в проеме возникает он.

Алексей. Его лицо изможденное, глаза запавшие. Он входит в кабину, и дверь закрывается за его спиной. Воздух мгновенно становится густым, трудным для дыхания. Здесь пахнет им, его одеколоном, его усталостью.

Я отворачиваюсь в другую сторону, смотря на цифры над дверью. Они загораются и гаснут. Пятый. Четвертый.

Он молчит. Напряжение нарастает, как гроза перед до-

ждем.

Третий.

Леша резко, почти отчаянным движением, тычет пальцем в кнопку “СТОП”. Лифт с неприятным толчком замирает между этажами. В кабине воцаряется оглушительная тишина, нарушаемая лишь натужным гудением механизмов.

— Вита, выслушай меня. Пожалуйста, — его голос срысывается, и в нем слышится мольба. — Нам нужно поговорить. Как взрослые люди. Без эмоций.

Я не оборачиваюсь. Говорю в металлическую стенку, чувствуя ее холод через тонкую ткань блузки.

— Нам не о чем говорить, Алексей. В ближайшее время я подам на развод. Всё решено.

— Вита, не горячись! — он хватает меня за локоть, но я резко дергаюсь, и он отпускает. — Ради Бога. Скажи... Ты правда беременна? Это точно? У нас... у нас правда получилось? У нас правда будет ребенок?

В его голосе прорывается что-то новое, чего я не слышала до этого. Не вина, не оправдания. Настоящее, неподдельное изумление. Даже... надежда. Он рад. В какой-то извилине его души, заваленной ложью и предательством, он по-настоящему рад этой новости.

И это больше всего.

Я медленно поворачиваюсь к нему. Смотрю в его глаза, ищу в них ту самую радость и ненавижу себя за это.

— У меня будет ребенок, Леша, — говорю я, отчеканивая

каждое слово. — У тебя он уже есть. Помнишь? Пятилетний мальчик. От твоей особенной помощницы.

Его лицо искажается от боли, будто я ударила его посильнее.

— Я знаю... Я знаю, что всё разрушил! Я не планировал этого, понимаешь? Ничего такого не хотел! Но я не могу бросить ребёнка! Я не могу!

— Не могу бросить. Это твой выбор. А ты мог не изменять? Или например мог признаться, когда все произошло? Не мог бросить её? — мой голос набирает силу, поднимается, превращается в крик, который отражается от стен тесной кабины. — Ты всё мог, Алексей! Ты всё выбирал сам! И ты выбрал — врать мне каждый день! Выбрал — скрывать своего сына! Выбрал — позволять ей насмехаться надо мной! Ты разрушил всё! Нашу жизнь, наше доверие, наши десять лет! Ты всё уничтожил одним махом! Да ты даже сотрудникам угрожал, чтобы они молчали. О чем ты вообще думал?!

— Я пытался защитить тебя! Не хотел, чтобы ты нервничала, — почти кричит он в ответ, и в его глазах стоит отчаяние.

— ЗАЩИТИТЬ? — я захожусь от истерического, беззвучного смеха. — От чего? От правды? А обо мне и нашем малыше ты подумал?! Что я буду чувствовать, когда мой ребенок подрастет и узнает, что у него есть единокровный брат, о котором его папа молчал все эти годы? Что ты будешь делать, Леша? Делить себя на части? Проводить выходные с

одним, а по будням навещать другого? Это твой план?

Он смотрит на меня, и я вижу, что у него нет ответа. Нет никакого плана. Есть только хаос, который он сам и создал.

— Я не знаю..., — он бессильно опускает руки. — Я не думал...

— Вот именно! — выдыхаю я. Вся ярость вдруг уходит, оставляя после себя ледяную, беспросветную пустоту. — Ты не думал. Ни о ком, кроме себя. Включи лифт, Алексей. Я хочу уйти.

Он замирает на секунду, потом медленно, будто его движениям противятся, поворачивается и нажимает кнопку. Лифт с рывком срывается с места.

Он не смотрит на меня. Стоит, уставившись в пол, его плечи сгорблены под тяжестью всего, что он натворил.

Двери открываются на первом этаже. Я выхожу, не оглядываясь. Иду по холодному мраморному полу к выходу.

Сзади не слышно его шагов. Он остался там. В кабине лифта. Со своим раскаянием, своей ложью и своим разрушенным миром.

А мой мир теперь — только я. И мой ребенок. И нам нужно учиться жить в этой новой, страшной реальности. Без него.

Глава 9

Виталина

Я должна вернуться домой, но дом — это теперь то место, где пахнет им. Где на полке лежит его книга, а в ванной стоит его гель для душа. Я не могу туда вернуться. Не хочу. Не сейчас.

Ноги сами несут меня в противоположную сторону, в небольшой супермаркет, через дорогу от бизнес-центра. Может, купить чего-то вкусного? Что-то, что перебьет этот горький вкус измены во рту. Для малыша. Для меня. Для того чтобы отвлечься от этой суровой реальности.

Я механически беру корзинку, бреду между стеллажами. Не вижу ни цен, ни этикеток. В голове стучит:

“Пять лет ребенку. Три с половиной года лжи от тех, кого я считала близкими. Пять лет. Три с половиной года...”

Выбираюсь на улицу с пакетом, в котором лежит банан и бутылка минералки. Это единственное на что меня хватило. От остального в горле мгновенно вставал тугий ком.

Я сажусь на деревянную скамейку у детской площадки, закрываю глаза, ловя осенние лучи солнца. Нужно собраться с мыслями. Решить, что делать дальше.

В ушах звенит от напряжения. И сквозь этот звон доносится другой звук. Настойчивый, жалобный писк. Детский плач.

Открываю глаза. Прямо напротив, за сетчатым забором площадки, маленький мальчик. На вид ему лет пять. Он уткнулся лицом в перекладину забора и рыдает, а его крошечный надувной мячик укатился за пределы площадки и застрял под скамейкой неподалеку от меня, до которой он не может дотянуться.

Сердце сжимается. Бедный малыш. Какой-то материнский инстинкт, глубокий и неистребимый, заставляет меня подняться. Подхожу, поднимаю ярко-синий мячик.

— На, держи, — говорю я, перебрасывая мяч через забор. — Не плачь.

Он поднимает на меня заплаканное личико. Большие, серые глаза с благодарностью смотрят на меня, а я не могу отделаться от навязчивой мысли:

“У Леши ребенок. Примерно его возраста”.

Мир сужается до этой точки. До этого лица. Кровь стучит в висках, отказываясь верить. Мне становится физически плохо. Подкатывает тошнота, кружится голова. Я делаю шаг назад, хватаясь за холодные прутья забора для опоры.

Может ли это быть он? Тот самый мальчик. Его сын.

Он ведь правда есть. Настоящий, живой, он плачет и играет в мяч. Ему пять лет. А мой... мой ребёнок ещё даже не родился. Он ещё часть меня, тихий и беззащитный. А этот — уже сформировавшийся человек.

Внутри меня зарождается дикий, панический страх. Смогу ли я? Смогу ли я любить своего ребенка так же беззащит-

но и безоговорочно, зная, что где-то рядом всегда будет жить ходячее напоминание о предательстве? Что каждый его день рождения, каждый успех будут отзываться в моей душе вопросом: а что в этот момент делает его сводный брат? Получает ли он такие же подарки? Такую же любовь своего отца?

Мальчик перестает плакать. Он смотрит на меня своими огромными, совсем детскими глазами, сжимая в руках спасенный мяч.

И тут из-за его спины раздается сладкий, знакомый до тошноты голос.

— Матвей, я же говорила, не бросай так сильно! Кто на этот раз подал тебе мячик?

Я медленно, словно в кошмарном сне, поднимаю голову, встречаясь взглядом с Верой.

Она стоит в нескольких шагах, держа в руках мороженое-рожок. Её взгляд скользит с моего бледного, наверное, лица на ее сына и обратно. И на её губах расцветает та самая торжествующая и ядовитая ухмылка.

— Ой, Виталиночка! — она делает театрально-удивленное лицо. — Какая встреча! Ну и как тебе наш сын? — она подходит к мальчику и нежно гладит его по голове. Тот прижимается к её ноге. — Красавчик, правда? Весь в отца.

Я чувствую, как ноги немеют, как наливаются тяжестью. Если я сейчас же за что-нибудь не ухвачусь, то просто рухну. На ее глазах. Позволю ей одержать надо мной победу.

Внутри все вспыхивает ярким огнем. Силы, о которых я

даже не подозревала, наполняют меня изнутри. Я выпрямляюсь. Мое лицо превращается в маску невозмутимости, и я могу с непоколебимой уверенностью взглянуть в ее глаза.

Вера удивленно вытягивает лицо, и я понимаю... она ждала от меня далеко не такой реакции.

Глава 10

Виталина

Воздух кажется густым. От одного ее высокомерного вида меня снова начинает тошнить. Она стоит, поглаживая голову своего сына, и смотрит на меня с таким видом, будто только что выиграла джекпот. Её ухмылка говорит сама за себя:

“Смотри, что у меня есть, а у тебя никогда не будет”.

— Ой, Виталиночка! Скажи уже что-нибудь. Отметь его сходство с Лешенькой.

“Лешенька”.

От такого обращения сводит зубы. Настолько приторно-сладко и наигранно это звучит.

Я не отвечаю. Просто смотрю на неё, стараясь, чтобы моё лицо было каменной маской. Внутри всё клокочет. Но я не доставлю ей удовольствия и не покажу своих истинных чувств.

Она делает преувеличенно сочувствующее лицо.

— Слышала, ты все же оказалась беременна? Удивительно, не правда ли? Весь мир рухнул, а у тебя раз и малыш, — она делает паузу, наслаждаясь моментом. — Ну что ж... Поздравляю. Интересно только, надолго ли Леша с тобой останется? Его ребёнок уже давно со мной. Настоящий, уже живой. А твой... это пока только планы на будущее. Которое, я уверена, он разделит с нами, а не с тобой.

Каждое её слово — укол булавкой, точный и болезненный. Она знает, куда бить. Она играет на моих самых больших страхах, чувствуя себя в безопасности, но это она зря.

— Ты же понимаешь, — продолжает она снисходительно, будто объясняя что-то глупому ребёнку, — твой брак не что иное, как обычная фикция. Простая формальность ради приличия. Леша всегда был с нами. Просто ты слишком долго этого не замечала. Знаешь, если бы не сейчас, то он все равно бы ушел от тебя. Ему не нужна такая как ты. Ему нужна семья.

И вот в этот момент что-то во мне щёлкает. Ярость, страх, боль — всё это кристаллизуется в холодную, острую, как бритва, уверенность. Она ведёт войну. Войну за Алексея. И я не собираюсь позволять ей чувствовать себя победительницей. Не потому, что я хочу его обратно. А потому что не позволю этой женщине думать, что она меня победила.

Я медленно выпрямляюсь. Мой взгляд становится тяжёлым, ледяным. Я вижу, как её ухмылка немного сползает. Она ждала слёз, истерики, но никак не этого.

— Вера, — говорю я тихо, но так, чтобы каждое слово прозвучало чётко, как удар хлыста. — Ты ошибаешься. Ты всегда ошибалась и никогда не видела ничего дальше своего собственного носа и раздутого эго.

Она хмыкает, пытаясь сохранить маску превосходства, но в ее глазах мелькает неуверенность.

— В чём это?

— Ты — просто та, кто грела его постель, пока его законная жена была занята делами. Нашим общим бизнесом, который мы строили с нуля. Нашими общими проблемами. Ты — развлечение. Неудобная, залетная ошибка, о которой он просил молчать всех своих сотрудников под угрозой увольнения, — я делаю маленькую паузу, чтобы слова попали точно в цель. — Ты — его секрет. А я — его жена. Законная жена. Не забывай об этом. В сводках новостей о нашей компании будут писать его имя, а рядом моё. Не твоё, Вера. В документах всегда будет фигурировать наша фамилия, а не твоя. На всех встречах его сопровождать буду я, а не ты. Потому что ты лишь моя тень, которая никому не нужна, когда солнце скрывается за горизонтом.

Я вижу, как она бледнеет. Как сжимаются её пальцы на плече сына.

— И ещё кое-что, чтобы ты знала, — продолжаю я, и мой голос обретает стальную уверенность. — Сегодня мой муж несколько раз говорил, о том что любит меня. Уверял, что не хочет меня терять. Говорил это искренне, с болью. Так что, может, все твои идеальные представления о вашей “семье” существуют только в твоей голове? Может, он просто исполняет свой отцовский долг, будучи зажатым в угол твоими требованиями?

Я вижу, как в её глазах вспыхивает сначала ярость, а следом та самая страшная тень сомнения. Она никогда не думала, что он может говорить мне такое. Она была уверена в

своей победе.

Вера пытается что-то сказать, открывает рот, но я её не слушаю. Я сделала то, что хотела.

Я поворачиваюсь к ней спиной, сжимаю свой пакет с бананами и водой.

— Удачи тебе с твоей “настоящей” семьёй, Вера. Надеюсь, игра стоила свеч.

И я ухожу. Не оглядываясь. Чувствуя её взгляд у себя на спине. Он больше не жжёт. Теперь он — полный растерянности и злобы.

Я не знаю, что будет дальше. Но я знаю, что только что отвоевала себе немного достоинства. И это маленькая победа в этой грязной войне, которую я никогда не хотела начинать.

Глава 11

Виталина

Хватит. Слова, отчеканенные из льда и стали, звучат в моей голове, заглушая гул утренних пробок. С меня достаточно. Вчерашняя встреча с Верой и ее ребенком окончательно поставила точку в жизни доброй и понимающей Виталины.

С сегодняшнего дня я стану той, кем они меня сделали. Я больше не жертва, не несчастная дуручка, которую все жалеют. Я — Виталина. Совладелец этой компании. И я начну вести себя соответственно.

Машина сама находит знакомую дорогу. Я не просто еду на работу. Я еду на войну. Пальцы мертвой хваткой сжимают руль, но внутри не паника, а холодная, ясная решимость. В жилах течет не кровь, а жидкий азот, замораживающий все страхи и сомнения.

Я вхожу в здание, и мои каблуки отбивают четкий, властный ритм по мраморному полу. Я не смотрю по сторонам, не ловлю взгляды. Я — не цель для обсуждений. Я — приговор. Дверь в отдел кадров открывается передо мной автоматически. Датчики движения были куплены не зря.

— Мария Ивановна, — мой голос звучит ровно, без дрожи. — Срочно подготовьте все кадровые документы на Вострикову Веру Игоревну. Трудовой договор, все дополнительные соглашения, служебные записки, докладные, если

есть. Всё. Я буду в своем кабинете.

Начальница отдела кадров замирает с открытым ртом, но я уже разворачиваюсь и иду прочь. Воздух за моей спиной звенит от недоумения.

Через пятнадцать минут рядом с кружкой ароматного чая на моем столе появляется личное дело Востриковой Веры Игоревны.

— Виталина Львовна, что-то случилось? — с дрожью в голосе спрашивает начальница отдела кадров.

— Ничего сверхъестественного. Благодарю. Можете быть свободны.

Она оставляет мой кабинет, напоследок еще раз бросая в мою сторону растерянный взгляд.

— И так... что тут у нас?

Делаю глоток обжигающего чая и погружаюсь с головой в документы. Бумаги пахнут пылью и чернилами. Мой взгляд скользит по строчкам договора. Срок действия... истекает через полгода.

Полгода. Шесть месяцев. Сто восемьдесят дней. Видеть её каждый день. Слышать её смех за стенкой. Ловить её торжествующие, ядовитые взгляды в столовой. Нет. Я не позволю этому случиться.

Я впиваюсь глазами в каждый пункт, в каждую запятую. Ищу лазейку. Просеиваю текст через сито холодной ярости. Прогулы? Есть несколько, но их стоит еще подтвердить, но если ничего не найду, то подойдет и это. Невыполнение пла-

нов? С этим всё довольно сложно. Я бы сказала, что тут у нее целая коллекция нарушений и срывов сроков, но раньше я этого не замечала. Потому что согласно бумагам, Вера непосредственно подчиняется Леше, но и у меня есть право на найм и увольнение сотрудников.

Что там у нас дальше?

Глава седьмая, пункт четыре, точка два: “Соблюдение норм корпоративной этики и поддержание деловой репутации компании”. Пункт пять, точка один: “Неразглашение конфиденциальной информации, ставшей известной работнику в связи с исполнением трудовых обязанностей”. Пункт семь, точка пять: “Недопущение действий, направленных на подрыв авторитета руководства и создание конфликтных ситуаций в коллективе”.

Да. Этого будет более чем достаточно. Её поведение после праздника — сплошное нарушение корпоративной этики. Её слова на детской площадке — прямое оскорбление и подрыв моего авторитета. А её болтовня по телефону о контрактах... это уже совсем другая история. Более щепетильная и я имею полное право, чтобы уволить ее.

Решено.

Я беру трубку внутреннего телефона. Палец набирает номер начальницы отдела кадров уверенно и непоколебимо.

— Мария Ивановна, подготовьте уведомление о расторжении трудового договора с Востриковой Верой Игоревной по соглашению сторон. Со всеми полагающимися выплата-

ми. Передайте ей лично в руки под роспись. Немедленно. Она же на работе?

— Д-да, — заикается она. — Я сейчас же ее оповещу.

— Благодарю.

Вешаю трубку. Руки абсолютно сухие и не дрожат. Сердце бьется ровно и громко, как барабан перед атакой. Я не испытываю ни злорадства, ни страха. Только холодную, безразличную решимость. Я знаю, что делаю. И я права.

Проходит не более десяти минут. Десять минут тишины, за которой я чувствую нарастающую бурю. И вот она приходит.

Дверь моего кабинета с оглушительным грохотом распаивается, ударяясь о стену. В проеме, как фурия, стоит Вера. Её лицо — маска гнева, искаженная до неузнаваемости. Глаза горят лихорадочным блеском.

— ЭТО ЧТО ЕЩЕ ЗА ЦИРК?! — её голос не крик, а оглушительный визг, от которого закладывает уши и содрогается стеклянная стена. — Ты совсем с катушек съехала? УВОЛИТЬ МЕНЯ? Да ты кто такая, чтобы меня увольнять?! Со всем берега попутала? Я так-то подчиняюсь Леше! Алексею Владиславовичу!

Я медленно, очень медленно откладываю ручку в сторону. Складываю руки на столе. Поднимаю на нее взгляд. Спокойный, тяжелый, ледяной.

— Вера Игоревна, закройте, пожалуйста, за собой дверь. Мы не на рынке, и ваши истерики меня не интересуют.

Она с силой, словно желая сорвать петли, захлопывает дверь. Подходит к моему столу и с размаху бьет ладонями по столешнице, наклоняясь ко мне. От нее пахнет дорогим парфюмом и адреналином.

— Объяснись! Сию же секунду! Или это та самая жалкая, женская месть? Из-за Леши? Из-за того, что он предпочел меня, вместо такой как ты?

— Присядьте, Вера Игоревна, — говорю я, и мой голос тих, но в нем слышится сталь. — И прекратите орать. Это офис. Здесь кроме вас есть и другие люди.

Она сжимает кулаки. Смотрит на меня взглядом полным ненависти.

— Скажешь, что я не права? — хрипит она, но я слышу как ее голос срывается от волнения. Она знает, что проиграла, но все еще пытается вести эту войну.

— Скажу, что в данный момент вы находитесь в кабинете начальства и вам стоит держать себя в руках, Вера Игоревна. А теперь присядьте и выслушайте меня внимательно.

Глава 12

Виталина

Она не садится. Смотрит на меня с вызовом. Дышит тяжело, ноздри раздуваются. Она готова ринуться в бой в любую секунду.

— Причины расторжения вашего контракта четко изложены в уведомлении. Вы же не будете говорить, что Мария Ивановна не знает свою работу и не прописала все в уведомлении? — продолжаю я, не отводя глаз. — Систематическое нарушение корпоративной этики. Создание нездоровой, конфликтной атмосферы в коллективе. Подрыв авторитета руководства. Опоздания и нарушение трудовой дисциплины.

— Это бред сивой кобылы! — фыркает она, но в ее глазах мелькает первая искорка страха. — Какие у тебя доказательства? Где докладные? Где свидетели?

— Доказательства? — я позволяю себе холодную, безжизненную улыбку. — Вся ваша манера общения со мной, начиная с того самого вечера и по сей день. Ваши едкие намеки в курилке, ваши многозначительные взгляды при коллегах. Вчерашний... спектакль на детской площадке. Я могу запросить письменные показания у любого сотрудника отдела. И я уверена, что многие подтвердят, что ваше поведение в последнее время стало откровенно вызывающим и неадек-

ватным.

— Ты... ты гнусная тварь! — она задыхается от ярости. — Это травля! Чистой воды травля! Ты меня травмишь из ревности, потому что не можешь простить, что он хочет только меня! Что у нас с ним есть ребенок, о котором ты и мечтать не могла все эти годы!

— Ревность — это для слабых, Вера Игоревна. Для тех, кто не уверен в себе, — парирую я, и каждое мое слово как точно отточенный клинок. — А это, — я указываю кончиком ручки на лежащее уведомление, — взвешенное бизнес-решение. Вы, Вера Игоревна, стали проблемой. Вы — токсичный актив ашего коллектива. И я этот актив списываю с баланса.

— Я не подпишу эту бумажку! Ни за что! Ни за какие деньги! Ты не имеешь права!

— Тогда, — мой голос становится тише, но в нем появляется опасная шелестящая нотка, — я буду вынуждена провести ваше увольнение по статье. За систематическое нарушение трудовой дисциплины. А у меня, поверьте, есть что предъявить. И вы прекрасно знаете, что именно. Не так ли?

Я делаю паузу, давая ей понять, что это не блеф.

— Например, неразглашение конфиденциальной информации. Помните, как вы пару месяцев назад, стоя в курилке, довольно громко по телефону обсуждали детали нашего нового контракта с “Кристаллом”? Цифры, условия? Насолько я помю, общение вы вели со своей подругой. И я должна за-

метить, что стенка там очень тонкая. А еще несколько прогулов без уважительной причины. У меня есть подтверждение, что вы так и не принесли никаких справок.

Она замирает. Буквально замирает, как вкопанная. Весь ее гнев куда-то испаряется, сменяясь леденящим ужасом. Она это делала. Но сейчас, здесь, в моем кабинете, это звучит как смертельный приговор. Это ее слабое место. Ее Ахиллессова пята.

— Ты... ты не посмеешь, — ее голос срывается на шепот. — Это... это уничтожит мою репутацию! Мне больше нигде не дадут работу!

— Выбор за вами, Вера Игоревна, — произношу я, отчеканивая каждое слово, — всегда за вами. Уйти красиво. С сохранением лица, с выплатой трех окладов и хорошими рекомендациями. Или..., — я смотрю ей прямо в глаза, — уйти по статье. С клеймом в трудовой книжке, которое перечеркнет всю вашу карьеру. Решайте. И желательно как можно быстрее. У меня нет времени на пустые разговоры.

Она смотрит на меня с такой немой, животной ненавистью, что, кажется, воздух в кабинете трещит и искрится. Она ненавидит меня всей душой, но она также и боится. Боится потерять все, что имеет на данный момент.

— Ты сука! — вырывается у нее хриплый, сдавленный крик. — Ты думаешь, он тебе это простит? Алексей! Он меня не отдаст! Он встанет на мою защиту!

И словно по какому-то мистическому сигналу, дверь мое-

го кабинета снова распаивается. На пороге стоит он. Алексей. Его взгляд мечется между мной, сидящей в кресле с видом ледяной статуи, и Верой, стоящей перед моим столом с искаженным от бессильной ярости лицом.

— Что здесь, черт возьми, происходит? — его голос хриплый, в нем слышны и гнев, и растерянность, и паника. — Почему я сидя в своем кабинете слышу крики?

Вера мгновенно переключается на него. Ее крик теперь полон слез, обиды и театрального отчаяния.

— Леша! Наконец-то! Она меня увольняет! Просто так! Без причины! Из ревности! Она сводит со мной счеты! Спаси меня! Ты же не позволишь этому произойти? Ты же сделаешь все, чтобы оставить меня здесь.

Он переводит взгляд на меня. В его глазах настоящая буря. Вопрос, упрек, недоумение, может быть, даже страх перед той, в кого я превратилась.

— Виталина, это правда? Что это значит?

Я с полным спокойствием на лице поднимаюсь из-за стола. Теперь мы стоим друг напротив друга. Он, я и она. Треугольник, который никогда не должен был существовать. Я чувствую, как вся моя сила, вся моя воля концентрируется в этом моменте.

— Да, Алексей, это правда, — говорю я, глядя прямо на него, не моргнув и глазом. Мой голос звенит сталью и не терпит возражений. — Я увольняю Вострикову Веру Игоревну. Твою любовницу и мать твоего ребенка. Это мое решение,

как совладелец этого бизнеса. Как человека, который больше не намерен терпеть хамство, интриги и предательство под своей крышей. И оно — окончательное.

Глава 13

Виталина

Я стою за своим столом, опершись на него кончиками пальцев. Моя поза — прямая и непоколебимая. Я смотрю на него, на Алексея. На своего мужа и жду. Жду его хода. Жду его решения. Воздух в кабинете густой, как сироп, и каждый вздох дается с усилием.

— Виталина, ты серьезно? Ты правда решила уволить ее? — его голос низкий, натянутый, как струна.

— Более чем, Алексей, — отвечаю я, не отводя взгляда. — Вера Игоревна систематически нарушает правила внутреннего распорядка и корпоративную этику. Я предоставила ей выбор. Она может уйти по собственному желанию или по статье.

— Леша, она врет! — Вера срывается на визгливый крик, ее палец трясется, указывая на меня. — Скажи ей, чтобы не трогала меня! У меня ребенок. Она не имеет права! Это и твоя компания, а она вышвыривает меня отсюда, как какую-то приبلудную псину!

Алексей медленно поворачивается к ней. Его лицо не выражает ни гнева, ни жалости. Оно — строгое, начальственное. Таким я всегда видела его на переговорах с самыми сложными клиентами.

— Вера, для начала успокойся, — его голос ровный, но в

нем слышится неоспоримый авторитет. — Крики и истерики в кабинете директора неуместны. Это как минимум закапывает тебя еще сильнее.

— Как мне успокоиться?! Ты в своем уме? — она почти плачет от бессильной ярости, но его тон действует на нее отрезвляюще. — Она меня увольняет!

— Виталина, — он снова смотрит на меня, — имеет полное право принимать кадровые решения в отношении любого сотрудника без моего ведома. Мы совладельцы. Ее решение полностью законно. Тем более, в твоём личном деле действительно есть нарушения.

Я чувствую, как что-то внутри меня сжимается и разжимается. Он не защищает ее. Он поддерживает меня. Как партнер. Я медленно скрещиваю руки на груди, не ослабляя хватки.

— Что? — Вера смотрит на него с немим недоумением, которое быстро сменяется новой волной ярости. — Ты не можешь ей этого позволить! Это же... это же неправильно! Леша, а как же я? Как наш сын?

Алексей сжимает челюсти так сильно, что я слышу, как скрипят его зубы. Он бросает на меня виноватый взгляд, но быстро берет себя в руки и продолжает:

— Это её решение, — повторяет он, и в его голосе появляется сталь. — И я его уважаю. Как решение своего делового партнера. Ты можешь уйти по соглашению сторон с достойной компенсацией, либо мы будем разбираться дальше

и не факт, что исход тебя устроит. Выбор за тобой.

Он не кричит. Не угрожает. Он просто констатирует факт. И от этого его слова звучат еще более неоспоримо.

Вера замирает. Она смотрит то на него, то на меня. Её лицо — маска обиды, злобы и полного крушения всех планов. Она поняла. Он не встанет на ее сторону. Не будет защищать. Не ради нее. По крайней мере не в этой ситуации.

С громким, театральным всхлипом она хватает со стола уведомление и ручку.

— Я это запомню! И вы это запомните! Особенно ты, Леша! — шипит она, лихорадочно ставя на бумаге какую-то закорючку вместо подписи.

Она швыряет ручку на пол, разворачивается и выбегает из кабинета, хлопнув дверью так, что стеклянные перегородки снова содрогаются.

Между нами повисает тишина. Гулкая, оглушительная.

Алексей стоит несколько секунд, глядя в пространство перед собой. Потом поворачивается, подходит к двери. Я уже надеюсь, что он уйдет, но вместо этого он поворачивает ключ. Щелчок замка звучит оглушительно громко в этой тишине.

Он медленно оборачивается ко мне.

— Объяснишь, зачем? — его голос тихий, но в нем нет гнева. — Ревнуешь?

Я фыркаю. Сухо, беззвучно.

— Даже не думай. Я просто не хочу видеть твою любов-

ницу рядом с собой. Мы владеем компанией на равных, если ты забыл. И я хочу работать с комфортом. Я не отдам это место просто так. Я вложила сюда всю себя. Потратила на эту компанию не один год и не позволю никому разворотить ее изнутри.

Он смотрит на меня, и в его взгляде я наконец-то вижу не растерянность, а... уважение. Осознание. Он молча кивает.

— Хорошо.

Он берется за ручку двери, чтобы уйти, но останавливается на пороге. Не оборачиваясь, говорит так тихо, что я едва различаю слова:

— Ты правда беременна? У нас... у нас правда получилось?

Моя рука сама ложится на живот, защищая свою кроху.

— Уходи, Алексей.

— Я приеду сегодня домой. Мы поговорим, — говорит он уже тверже. — Надо решить, как нам быть. Я не отпущу тебя, Вита, — он оборачивается, и в его глазах столько боли, что на секунду мне становится не по себе. — Мы ждали этого ребенка слишком долго.

— Исключено, Леша. Мы не поговорим. И это мой ребенок. Насколько я помню, тогда... в том зале ты совершенно не был рад этому известию.

— Это не так.

— Твоя реакция все сказала за тебя.

— Я просто растерялся. Не знал, как реагировать. А тут...

— Алексей! — я повышаю голос.

Он не отвечает. Не продолжает эту бессмысленную перепалку. Просто выходит, тихо прикрывая за собой дверь.

Я остаюсь одна. Возвращаюсь к столу, пытаюсь работать. Но все мысли то и дело возвращаются к его словам. Он придет. В наш дом. Сердце сжимается от внутреннего протеста. Нет. Я не хочу его видеть. Не хочу вести никаких “разговоров”. Они здесь больше не помогут.

Без трех минут пять я резко вскакиваю, собираю вещи и выхожу из офиса. Сажусь в машину и еду не домой. Я еду к родителям. Подальше от его глупых оправданий.

Дорога кажется бесконечной. Как они встретят? Мама с папой. Они будут жалеть, будут смотреть на меня с болью? Они будут спрашивать, что я решила?

А я не знаю. Ничего не знаю, кроме того, что мне надо подать на развод. Набраться смелости и сделать это. Один рывок и все, но почему-то от одной только мысли об этом мне становится не по себе.

Они встречают меня молчаливыми объятиями. Ужин проходит тихо. Они избегают этой темы, не спрашивают ни о чем. Просто ухаживают за мной, подкладывают еду. Их молчаливая поддержка — единственное, что не дает мне развалиться.

Вечером я ложусь спать в своей старой комнате. Засыпаю тяжелым, беспокойным сном.

И тут стук в дверь. Настойчивый, громкий. Я слышу, как

папа идет открывать. Потом голоса в прихожей. Низкий, немного сонный папин. И напряженный и твердый, Леши.

Я выхожу из комнаты, закутавшись в халат. Сердце колотится где-то в горле.

На пороге, в свете родительской люстры, стоит он. Алексей. Его волосы растрепаны ветром, в глазах решимость и усталость.

— Я же сказал, что мы поговорим, — говорит он, глядя прямо на меня, и игнорируя моего отца, который смотрит на него со всей своей суровостью.

Я останавливаюсь в нескольких шагах, скрещиваю руки на груди, чувствуя, как по телу разливается ледяная волна.

— Я тебя не приглашала.

— Слишком поздно, Вита. Я уже пришел и никуда не уйду, пока мы с тобой не поговорим как два взрослых человека.

Глава 14

Виталина

Я смотрю на своего мужа, стоящего на пороге родительского дома, и понимаю — он не уйдет. Не сейчас. В его позе, во взгляде читается упрямая, глупая решимость, которую я когда-то так в нем любила.

— Вита, иди к себе, — мой папа делает шаг вперед, и его голос становится низким, “мужским”, опасным. — Я сам с ним поговорю. Как это положено настоящим мужчинам.

Я мягко кладу руку ему на рукав, но это действие показывает всю твердость моего решения.

— Не стоит, пап. Иди отдыхать. Я сама с ним поговорю.

— Ты уверена? — он смотрит на меня с тревогой, его взгляд скользит к Алексею, полный немоего предупреждения.

— Да, пап. Иди к маме, а то она проснется, а тебя рядом нет, и тогда нам точно несдобровать.

Он колеблется пару секунд, но потом кивает и, тяжело вздохнув, уходит вглубь квартиры, еще раз обернувшись, чтобы бросить на Алексея угрожающий взгляд.

Дверь в гостиную прикрывается. Мы остаемся с ним в прихожей, в тесном пространстве, где висит пальто отца и стоят мои туфли. Я опираюсь о косяк двери, чувствуя, как слабеют ноги. Усталость наваливается тяжелым грузом.

— Алексей, говори, что хотел, и уходи. Я не хочу будить

родителей. Они в возрасте и им ни к чему столь поздние визиты незваных гостей.

— Вита..., — он делает шаг ко мне, но я отступаю, и он замирает. — Я знаю, что тебе сложно. Невыносимо сложно. Я понимаю. Но... это наш ребёнок. Тот, которого мы ждали. О котором мечтали. Вместе.

В его голосе прорывается та самая настоящая боль. Не вина, не оправдание. Боль от возможной потери нашей семьи. От потери меня. От потери нашего ребенка.

— Я помню, как мы сидели на кухне и придумывали ему имя, — продолжает он, и его голос срывается. — Помнишь? Мы смеялись, спорили... Я так этого ждал, Вита. Я ждал нашего малыша не меньше, чем ты. И он будет. Он уже есть.

Мое сердце сжимается в комок. Эти воспоминания острые, как лезвие. Они режут по живому. Но они — прошлое. А в настоящем есть его пятилетний сын и годы лжи.

— У тебя уже есть ребёнок, Леша, — говорю я, и мой голос звучит устало, без эмоций. — Ты уже отец. Ты уже все это проходил. С ней.

— Не думай об этом! — в его голосе прорывается отчаяние. — Я сейчас говорю о нас! О тебе! О нашем ребенке! Я люблю тебя, Виталина! И я сделаю всё, что смогу, чтобы вернуть тебя! Чтобы мы были семьей. Чтобы у нашего ребенка был отец.

Он говорит это так искренне, так горячо, что на секунду мне хочется в это поверить. Но потом я вспоминаю Веру. Их

сплетенные пальцы. Ее ухмылку.

— Нам нужен конструктивный диалог, Алексей. Не сцены и не клятвы. Нам нужен разговор о разделе бизнеса. Об имуществе. О том, как мы будем... существовать дальше. Рядом, но отдельно. Подумай, ради чего ты сейчас здесь? Потому что тебе нужна я и мой ребенок, или потому что я сегодня выставила из компании твою любовницу? Ты пришел, чтобы я вернула ее обратно?

Он замирает. Смотрит на меня, и я вижу, как в его глазах что-то ломается. Гаснет. Он видит, что я не сдаюсь. Что моя стена не рухнула.

Он медленно опускается на табуретку в прихожей, проводя рукой по лицу.

— Дело не в ней, Вита. Она вообще никак меня не интересуется. И то, что ты ее уволила... мне на это все равно.

— Тогда я не вижу смысла твоего визита. Мы с тобой разведемся, даже если ты против этого развода. Нам ни к чему эти пустые разговоры.

— Хорошо, — это слово дается ему с огромным трудом. — Хорошо... Если это единственный выход... Я... Я не хочу тебя мучить. Я согласен. На развод. Делай так, как считаешь нужным.

Он произносит это, и в его глазах — такая настоящая, неприкрытая боль, что мне становится физически плохо. Это не игра. Не манипуляция. Он действительно не хочет этого. Он действительно страдает.

Но разве это что-то меняет?

Нет.

Он встает. Его движения медленные, будто он постарел на десятки лет, всего за несколько минут. Он подходит ко мне, останавливается совсем близко. Его дыхание касается моего лба.

— Но даже если я сказал, что готов на развод... это не значит, что я отпущу тебя, Вита, — его голос тихий, но в нем слышится стальная решимость, которая пугает меня больше, чем его крик. — Я верну тебя. Верну вас. Любой ценой. Ты — моя жена. И моей женой останешься.

Он смотрит прямо мне в глаза, и я не могу отвести взгляд.

— А ребенок, который живет в твоём животе... он — наш. Не твой. Наш. Ты слышишь?

— У тебя уже есть ребенок, Леша, — снова повторяю я, как заклинание, пытаюсь отгородиться от его слов. — Не забывай об этом.

— Я говорю сейчас о нас! О нашем ребенке, — он почти рычит, теряя самообладание. — И не забывай, что, согласно закону, этот ребенок все равно будет моим. У нас брак. Тебя даже спрашивать не будут, на кого оформлять отцовство. А если ты захочешь оформить его на кого-то другого, — он уже рычит, его кулаки сжимаются. — Знай, что я никогда в жизни не дам на это согласия.

Внутри все холодеет. Он прав. По закону, он — отец. Он имеет все права.

— Тебя это уже не должно волновать, — выдыхаю я, и в моем голосе впервые за весь вечер звучит страх. — Я... я имею право не вписывать тебя как отца. Я могу сказать, что мы в разводе, что ты не...

— Ты ошибаешься, — он перебивает меня, и его голос снова становится холодным и уверенным. Голосом главы компании, который знает все лазейки. — Тебя никто не спросит. Если мы были в браке, я — отец. Автоматически. Так что наш ребенок... он всегда будет нас связывать. Всегда, Вита.

Он смотрит на меня еще секунду, словно проверяя, достигли ли его слова цели. Достигли. Я чувствую, как кровь отливает от лица.

Потом он разворачивается, открывает дверь и выходит в ночь, не оглядываясь.

Я остаюсь стоять в прихожей, прислонившись к косяку, и медленно сползаю на пол. Его последние слова звенят в ушах.

Наш ребенок всегда будет нас связывать. Всегда.

Он не сдастся. Он только что объявил мне войну. Войну за меня. И войну за нашего еще не родившегося ребенка.

Глава 15

Виталина

Солнечный свет льется в родительскую кухню, падая на скатерть в мелкий цветочек. Пахнет кофе и мамиными сырниками. Идиллия, которая кажется такой хрупкой и ненастоящей после вчерашней ночи.

Мама сует мне тарелку с сырниками, обильно политыми сгущенкой, но ее взгляд полон тревожной поддержки.

— Ешь, дочка. Тебе теперь о двоих думать надо. И знаешь, — ее рука ласково касается моей. — Я приму любое твое решение. Если ты решила подавать на развод... то так ему и надо! А если нет, — ее голос становится тише, — то это твое право, милая.

Я киваю, ковыряя вилкой в сырнике. Отец молча читает газету, но я знаю, что он не пропускает ни слова. Он не говорит, что я права. Но его молчаливая твердость вчера вечером, его готовность встать между мной и Алексеем говорят сами за себя. Он просто переживает. Молча. По-своему.

Мама заворачивает мне в контейнер обед. Сегодня куриная грудка с гречкой и нарезанный колечками огурец.

— Полезно для малыша, — шепчет она, и у меня сжимается сердце от легкого трепета. Кажется, что все теперь для малыша. Даже каждое мое решение, каждый шаг.

Я собираюсь на работу. Одеваюсь, выхожу на крыльцо и...

останавливаюсь. Жду. Инстинктивно.

Раньше, после любой, даже самой жуткой ссоры, Леша всегда ждал меня у двери. Стоял с поникшей головой, с двумя стаканами кофе с собой, с глупым, виноватым взглядом. И мы мирились. Всегда мирились.

Сегодня здесь пусто. Только ветер гоняет по асфальту осеннюю листву.

Странное, щемящее чувство провала, окончательности прокатывается по мне. Да, уже ничего не будет, как прежде. Никогда.

Сажусь в машину. Включаю зажигание. Решение в моей голове было принято еще ночью. Пока я ворочалась в кровати. Несмотря на его слова, я все решила и отшлифовала этой бессонной ночью.

Тем более он дал согласие. Хотя бы здесь мы обойдемся без грязного суда. Это хоть и маленькая, но победа.

Офис встречает меня привычным гудением. Компьютеры, звонки телефонов, мерцание экранов. Я погружаюсь в работу, как в спасительные объятия. Здесь все понятно. Здесь есть правила.

Но что-то не так. Сотрудники то и дело заходят ко мне с папками, с документами на подпись. Сначала я не обращаю на это внимания, но после обеда поток не иссякает.

— Мария, — останавливаю я свою ассистентку, — почему отдел закупок несет все сметы мне? И юристы сегодня несли договора без остановок. Это все должно быть у Алексея

Владиславовича на согласовании.

Девушка замирает, ее глаза округляются в немом непонимании.

— Виталина Львовна, а вы разве не знаете? Сегодня Алексея Владиславовича нет на рабочем месте.

В ушах на секунду появляется звон.

— Нет?

— Нет. Он с утра предупредил, что будет отсутствовать. По личным обстоятельствам.

По личным обстоятельствам.

Первая, ударная волна мысли — он с ней. С Верой и их сыном. Отводит его в садик? К врачу? Просто проводит с ними день, чтобы загладить вину за вчерашнее увольнение?

— Хорошо, — я слышу свой собственный, неестественно спокойный голос. — Оставляйте, я подпишу.

Она кивает и торопливо ретируется.

Я остаюсь одна. Документ перед глазами расплывается. Я пытаюсь вспомнить когда все это началось? Его бесконечные “задержки на работе”? Нет, он всегда уходил вместе со мной. Только крайние случаи, когда он оставался чуть дольше, но это всегда напрямую было связано с работой. Внезапные “командировки”? Ни одной. Только вместе, только заранее спланированные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.